

Лин Син связал монеты пеньковой бечёвкой по сто монет в одну связку. Всего вышло три связки и ещё двенадцать медяков россыпью. Три полные связки он убрал в большой деревянный сундук, а двенадцать разрозненных монет снова положил в денежный ящик.

В полдень ели бобовую кашу. Чтобы сэкономить дрова, Сюй Юфан сняла ее с огня сразу, как сварила, - зёрна получились жёсткими, совсем не разваренными. Лин Сину пришлось жевать так долго, что у него свело щёки: каждый глоток давался с трудом. Еда напоминала пытку. С трудом доев, он хотел было помочь с уборкой, но Сюй Юфан решительно отправила его в комнату отдыхать.

— Человек с самого рассвета на ногах, а вернулся, и всё равно не сидится! Иди спать, наверстай сон. Там всего-то две чашки, неужели без тебя не справимся?

Лин Син послушно лёг отдохнуть. Сюй Юфан даже не пустила Шэнь Лая к нему в комнату, побоялась, что тот помешает ему заснуть.

Поначалу сон не шёл. Но глаза были закрыты, и постепенно сказались ранний подъём, сильная усталость и напряжение всего дня. Как только тело расслабилось, волна изнеможения накрыла его с головой, и он всё-таки уснул.

Очнулся Лин Син уже через час. Он пошевелил ногами и заметил, что усталость почти ушла. Настроение сразу стало лучше, и он невольно улыбнулся.

Обуваясь, пятку соломенной обуви он прижал стопой, чтобы та больше не тёрла повреждённое место.

В зале за дверной занавеской Шэнь Лай сидел на полу, поджав ноги. Напротив него устроились два совсем маленьких «редисочных хвостика» - Шэнь Сяочунь и Шэнь Сяося.

— Весной мой второй брат обещал поймать мне фазана. Если вы поможете мне отомстить, я тогда поделюсь с вами куриной ножкой, — важно говорил Шэнь Лай.

Соблазн мяса был велик, а уж куриная ножка тем более. Брат и сестра Шэнь Сяочунь и Шэнь Сяося невольно сглотнули. Куриных ножек они никогда не ели. Зато видели - их прежний отец ел при них. Запах был такой, что слюнки текли.

— Но мы с Сяося слишком худые и маленькие, мы не справимся с Баогэнем, — нерешительно сказал Шэнь Сяочунь.

При одной мысли о Фан Баогэне он инстинктивно втянул шею, а голос стал тише:

— Он может нас с Сяося до смерти избить.

Шэнь Лай нахмурился и недовольно сказал:

— Мы ещё даже не сошлись лицом к лицу, а ты, Сяочунь, уже сдалась. Чего сразу трусить?

Увидев, как брат с сестрой сжались и стоят, боясь лишний раз вздохнуть, Шэнь Лай пустил в ход свой главный козырь:

— Так вы хотите куриную ножку или нет?

Дети снова сглотнули слюну. Сяоя посмотрел на сестру - он во всём слушался её. Шэнь Сяочунь закусила губу. На её худом личике смешались колебание, страх и растерянность.

Лин Син почувствовал, что внутренние метания вот-вот доведут Сяочунь до слёз, и потому отдёрнул занавеску и вышел.

Увидев его, Шэнь Лай ловко вскочил с пола и на ходу отряхнул пыль с одежды.

— Старшая невестка, ты проснулся!

— Угу, — отозвался Лин Син и поднял руку, ласково потрепав Шэнь Лая по голове. — Сяо У обижают на стороне?

Глаза Шэнь Лая чуть расширились, он вытянул шею и замер, боясь пошевелиться.

— Старшая невестка, погладь меня ещё немного. Меня раньше так никогда не гладили.

Его заклятый враг Фан Баогэнь часто хвастался перед ним, что мать у него ласковая и заботливая: каждый день целует его, гладит по голове и называет своим хорошим сыночком. Шэнь Лай наслушался этого, и на душе стало скверно. Он прибежал домой и тоже потребовал, чтобы мать поцеловала его, обняла, погладила по голове и назвала хорошим сыном. В ответ его просто выволокли за дверь и строго предупредили: если он ещё раз войдёт и помешает матери вышивать, она велит второму брату заняться его воспитанием.

Шэнь Лай хорошо помнил, как тогда расплакался. И сам не знал, из-за чего именно: то ли от обиды, что мать не назвала его «хорошим сыном», то ли от злости, что он снова и снова проигрывает Фан Баогэню, то ли от страха, что его и правда отдадут на расправу второму брату.

Зато после этого Фан Баогэнь больше не мог перед ним хвастаться. Теперь у него есть старшая невестка. Тот гладил его по голове и спрашивал, не обижают ли его.

— Это не совсем чтобы меня обижали, — сказал Шэнь Лай. — Я и сам справляюсь. Просто их много, а я один, вот я и хотел, чтобы Сяочунь и Сяоя пошли со мной для поддержки.

Он тёрся макушкой о ладонь Лин Сина, словно котёнок, и ничего не скрывал, говоря всё как есть.

Лин Син посмотрел на Сяочунь и Сяоя - оба тоже поднялись, стояли, опустив головы, и не смели издать ни звука. Он тихо вздохнул.

— Сяо У, расскажи старшей невестке, что случилось.

Шэнь Лаю казалось, что голос старшей невестки слишком уж мягкий, а улыбка слишком тёплая. Он и сам не мог объяснить, почему так: стоило увидеть его и хотелось быть поближе, прижаться, а когда того не было рядом, начинал скучать. Перед старшей невесткой Шэнь Лай совершенно не умел держаться и потому без колебаний кивнул.

Лин Син внимательно выслушал рассказ. История была и большой, и маленькой одновременно. Если смотреть поверхностно - обычные детские драки и шалости. Но если копнуть глубже, выходило, что деревенские ребяташки держались особняком и постоянно цеплялись именно к Шэнь Лаю. Просто здесь не существовало ни слова, ни самого понятия «травля», да и Шэнь Лай был по натуре простодушен и не считал, что его притесняют. К тому же он не умел терпеть: если его ударят, он тут же ударит в ответ. Поэтому в его понимании это были не попытки издевательства, а обычная взаимная драка - его задела, он дал сдачи, и всё.

Дети всё-таки побаивались Шэнь Лая, когда тот выходил из себя и лез драться, поэтому обычно держались на расстоянии и ограничивались руганью. Раньше, из-за смерти Шэнь Хуана, Шэнь Лай почти всё время сидел дома и редко выходил наружу. Сегодня же утром, когда Лин Сина не было, ему стало скучно и тоскливо, и он решил пойти к большому дереву у въезда в деревню, подождать Лин Сина там. Кто бы мог подумать, что он снова наткнётся на ту компанию детей и снова услышит от них брань.

Шэнь Лай бросился за ними, но догнать не смог. Один против десятка - и перекричать их невозможно. От злости у него всё внутри кипело, но сделать он ничего не мог. Вернувшись домой, он так и не решился рассказать об этом. Главное, было стыдно. Он, Шэнь Лай, оказался тем, кого просто обругали и загнали домой!

Выслушав всё это, Лин Син мягко сказал:

— Сегодня у меня ноги не в порядке, но через пару дней я сам схожу с тобой и посмотрю на них.

Он говорил это не потому, что собирался что-то устраивать, просто Лин Син считал, что такие вещи нельзя пускать на самотёк.

Услышав это, Шэнь Лай обрадовался так, что чуть не подпрыгнул: у него появился человек, который будет за него заступаться.

Дав Шэнь Лаю немного попрыгать от радости, Лин Син перевёл взгляд на Сяочунь и Сяося. Брат и сестра стояли, опустив головы, молчаливые и неподвижные.

— Сяочунь, Сяося и ты, Сяо У, пойдёте в кухню помогать, — сказал Лин Син. — Вечером будем готовить на пару, сделаю вам баоцзы.

Глаза Шэнь Лая тут же загорелись.

— Старшая невестка, ты самый лучший!

Услышав про баоцзы, Сяочунь и Сяося невольно сглотнули слюну и, тихо и послушно кивнув, прошептали:

— Спасибо, старшая невестка.

Достав закваску, Лин Син принялся замешивать тесто. Для баоцзы нужна начинка, и он отсчитал пять вэнь, протягивая их Шэнь Лаю. Увидев это, Сюй Юфан поняла, что Лин Син собирается готовить баоцзы для детей. Она сходила в западную комнату, принесла деньги и заменила ими монеты в руке Шэнь Лая.

— Старшей невестке и так нелегко, — строго сказала она. — Не приставай к нему всё время, выпрашивая угощения. Разве это не значит пользоваться его мягким сердцем?

Шэнь Лаю стало обидно. Старшая невестка сам, по доброй воле, хотел приготовить ему что-нибудь вкусное - как же это вдруг превратилось в то, будто он выпрашивает?

Его радость вмиг угасла. Он приуныл, но спорить не посмел и лишь послушно кивнул:

— Понял, мама.

По дороге за тофу Шэнь Лай всё время шёл, опустив голову, машинально пинал придорожные камешки и чувствовал, как на душе становится всё тяжелее. С трудом добравшись до дома Ван-фулана, он узнал, что тофу уже распродан и нужно идти к другим. И тут Шэнь Лаю вдруг расхотелось и тофу, и баоцзы. Есть больше не хотелось вовсе.

Ван-фулан как раз убирал деревянные доски. Заметив, что с мальчишкой что-то не так, он поспешно отложил работу, подошёл и, присев на корточки, спросил:

— Что случилось? С чего это ты плачешь?

— У-у-у-у...

Шэнь Лай не мог вымолвить ни слова, стоило открыть рот, как вырывались лишь всхлипы. Вроде бы ничего особенного не произошло, но на сердце было так тоскливо, что он и сам не понимал почему. Раньше с ним такого не бывало.

Видя, как горько плачет ребёнок, Ван-фулан поднял руку, вытер ему слёзы и, мягко похлопывая по спине, стал успокаивать:

— Хороший мальчик, не плачь. Хочешь тофу? У меня дома остался кусочек, я отрежу тебе половину, денег не возьму. Только не плачь, если ты будешь слишком много плакать, это будет выглядеть некрасиво.

Шэнь Лай и сам хотел перестать плакать, но чем больше Ван-фулан его утешал, тем сильнее он терял над собой контроль.

— Цин-гер, что случилось?

Из главной комнаты вышел мужчина в сером халате. Он был высоким и худощавым, но даже его измождённое и бледное лицо нисколько не скрывало его утончённой, книжной красоты. Во всём его облике чувствовался спокойный дух ученого.

Ван-фулан обернулся, слегка нахмурился, с явной беспомощностью во взгляде:

— Ребёнок расплакался, а я никак не могу его утешить.

— Ци-лан, присмотри за ребёнком, — сказал он. — А я пойду отрежу половину тофу.

Ван Цзюнь кивнул и, следуя словам супруга, встал рядом с Шэнь Лаем, не сводя с него глаз и не позволяя мальчику выйти из поля зрения. Без тихих, мягких утешений чувство обиды у Шэнь Лая уже не казалось таким сильным, он понемногу успокоился.

Когда Ван-фулан вернулся, держа в руках половину куска тофу, уложенного на аккуратно срезанный банановый лист, Шэнь Лай уже не плакал. Это заметно облегчило Ван-фулану душу: он не умел утешать детей и особенно не выносил детских слёз.

Половинку тофу он вложил Шэнь Лаю в руки. Тот попытался протянуть деньги, но Ван-фулан решительно отказался их брать.

— Я же сказал, не возьму с тебя деньги, значит не возьму. Забирай и неси домой, поешь.

Шэнь Лай был прямолинейный и упрямый по натуре: он не любил пользоваться чужой добротой. Если говорят, что денег не берут, значит и тофу он тоже не возьмёт.

После слёз голос у него ещё подрагивал, время от времени он всхлипывал. Ван-фулан, испугавшись, что мальчик снова расплачется, поспешно сказал:

— Тогда давай две монеты и хватит.

Шэнь Лай кивнул, достал две медные монеты и протянул их Ван-фулану.

Возвращаясь домой, он изо всех сил старался выглядеть как обычно. Оставшиеся три монеты он отдал Сюй Юфан, не поднимая голову:

— Ван-фулан сказал, что тофу уже распродали, но поделился половиной из того, что оставил для своей семьи, и взял с меня всего две монеты.

Сюй Юфан ничего странного не заметила, приняла деньги и ушла в западную комнату положить их на место. Шэнь Лай, прижимая к себе половину куска тофу, зашёл на кухню. Он только подошёл к Лин Сину, как тот сразу заметил неладное.

— Ты что, плакал?

Лин Син принял тофу, ладонью коснулся щеки Шэнь Лая:

— Хочешь рассказать старшей невестке, почему?

Глаза Шэнь Лая предательски покраснели. Он и сам не понимал, с каких пор стал таким плаксой. Если рассказать старшей невестке, поймёт ли он его?

В конце концов Шэнь Лай всё-таки заговорил. Голос у него был тихий, говорил он быстро. История и правда была совсем не сложная, всего лишь одно слово матери.

— Старшая невестка... ты не будешь думать, что я плакса?

Он спросил это осторожно, будто боялся услышать ответ.

Только теперь Лин Син понял: Шэнь Лай, который обычно выглядел беспечным, шумным и весёлым, на самом деле всё время жил настороже, был очень чутким и ранимым.

— Нет, — мягко сказал старшая невестка. — Наш Сяо У - замечательный ребёнок. То, что ты плачешь, это нормально. Даже мне на твоём месте было бы обидно. Мама вовсе не хотела сказать что-то плохое про тебя. Просто сейчас семье тяжело, она привыкла экономить и думает только о том, как бы не остаться голодными. Не переживай, Сяо У. В будущем у нас всё обязательно будет становиться только лучше.

Шэнь Лай резко закивал:

— Я знаю. В будущем у нас обязательно всё будет лучше.

Они говорили тихо, и сидевшие неподалёку Сяочунь и Сяося, присматривавшие за тазом с тестом, ничего не услышали. К тому же всё их внимание было сосредоточено именно на нём: это задание дал им старшая невестка, и они очень старались всё сделать как следует, так что на остальное просто не отвлекались.

Когда с лепкой было покончено, Сюй Юфан отобрала два баоцзы и положила их в керамическую чашку. Всего в доме налепили тринадцать штук, и Сюй Юфан собиралась оставить их только для троих детей и старшей невестки, чтобы подкрепить силы. Эти два она хотела отнести Ван-фулану: тот поделился тофу и ещё взял меньше денег, а ведь кусок был щедрый - больше половины цзиня.

— Сяо У, — сказала она, — отнеси это в дом Ван-фулана. Быстро сходи и сразу возвращайся, не задерживайся.

Шэнь Лай к этому моменту уже пришёл в себя. Он успел попросить старшую невестку выбрать для него самый большой баоцзы и положить в чашку остывать, а потом схватил чашку с двумя большими баоцзы для дома Ван-фулана и помчался прочь со всех ног.

Лин Син выбрал самый крупный баоцзы для Шэнь Лая, положил его в чашку, затем Сяочуню и Сяося отложил по два больших. Делая это, он между делом спросил:

— Мам, а сколько у нас ещё осталось промасленной бумаги?

На этот раз промасленную бумагу для продажи баоцзы в доме не покупали, на неё не потратили ни медяка. Раньше хозяин лавки с промасленной бумагой задолжал Шэнь Хуэю деньги за дичь. Тот человек был заядлым игроком и в конце концов проиграл даже саму лавку. Понимая, что денег ему уже не вернуть, Шэнь Хуэй просто воспользовался моментом до смены владельца и забрал из лавки промасленную бумагу, чтобы было чем подстилать. На остальное он претендовать не мог: всё уже ушло в уплату долгов за азартные игры.

Сюй Юфан во дворе разбирала вышивальные нитки и, повысив голос, ответила ему:

— Если расходовать, как сегодня, этого хватит на два-три месяца. Но вещь эта дорогая, потом

надо будет подумать, чем её заменить.

По сравнению с писчей бумагой промасленная, конечно, стоила дешевле, но всё равно обходилась недёшево. Постоянно использовать её для лотка с баоцзы было невыгодно. Обычно такую бумагу брали для упаковки лекарств, сладостей или жареного мяса, а всё это и без того товар недешёвый, так что стоимость бумаги просто включали в цену, и покупатели не считали, что переплачивают.

А вот у них, если учитывать ещё и промасленную бумагу, баоцзы пришлось бы поднимать в цене ещё на один вэнь, и тогда жители городка, скорее всего, уже не стали бы их покупать.

Лин Син посмотрел на лежавшие неподалёку листья, нарезанные на квадратные куски. Раньше, когда в доме покупали тофу, его просто забирали в чашке или тазу, он и не знал, что здесь можно использовать листья банана.

— Мам, я сегодня видел: тофу, который дал Ван-фулан, был подложен на банановом листе. Может, и нам таких листьев набрать, вымыть да подрезать?

Если уж менять упаковку, то лучше делать это сразу. Если привыкнут, потом менять будет сложнее: покупателям станет не по себе.

Сюй Юфан подумала и кивнула:

— Листья подойдут. Пошлём второго сына в горы за ними, а я потом всё вымою и нарежу.

— Я и сам могу сходить, — сказал Лин Син.

Ему не хотелось постоянно нагружать других: собирать листья - работа не тяжёлая, он справится.

Сюй Юфан тихо усмехнулась:

— Те листья растут в глубине гор, там теплее, чем в других местах, и змей много. Во всей деревне туда ходят только Ван-фулан и эрлан. У Ван-фулана есть средство от змей по семейному рецепту, а эрлан ловкий да сильный. Брат Син уверен, что сам пойдёт?

Лин Син на мгновение онемел. Он был не уверен... Человек, который панически боится змей, честно признал поражение:

— Тогда... пусть это будет забота второго брата.

Закончив разбирать вышивальные нитки, Сюй Юфан принялась готовить ужин. Мучную болтушку делать быстро, достаточно лишь вскипятить воду.

Подкладывая дрова в очаг, Сюй Юфан вдруг нахмурилась, в сердце кольнуло тревогой:

— Что-то пятый так долго не возвращается...

Тесто на завтра Лин Син уже поставил, кусочек для закваски тоже оставил. Делать больше было нечего, и он сказал:

— Я выйду, поищу его.

<http://bllate.org/book/13938/1272328>